

Глава 22.

Сам Алексис не помнил, когда именно он начал обращать внимание на этого безумца.

До того, как его втолкнули в гроб, он прожил около двух тысяч лет, и две трети этого времени прошли без безумца. Он помнил много вещей: сородичей-вампиров и охотников Святого Храма, некоторые давно умерли, некоторые всё ещё оставались. И всё же он всегда чувствовал, что более тысячи лет до встречи с безумцем он прожил в дрейфе, словно его ничто не держало.

Всякий раз, когда ему было несчастно или скучно, он мог в любой момент просто захлопнуть крышку гроба и лечь в это тесное пространство, которое он слегка недолго любил. К тому времени, когда он вновь открывал глаза, мир непременно менялся. Так же было и после смерти его друга-дракона. Он глубоко скорбел, отомстил, а затем уснул в гробу. К моменту его пробуждения принцесса, которую любил его друг, стала личем, а в его бесконечную жизнь вошли новые союзники.

Использовать спячку, чтобы противостоять скуке, использовать спячку, чтобы встретить разлуку с мёртвыми... так было до встречи с безумцем.

После встречи с безумцем он почувствовал себя словно воздушный змей, наконец-то привязанный к своей нити. Он знал, что человеческая жизнь коротка, и способом Святого Храма бороться с этой краткостью была заморозка. Он не хотел, чтобы тот благородный и прекрасный Святой стал одним из тех, кого заморозили до смерти, поэтому каждый раз, лёжа в своём гробу, он обдумывал это, стискивал зубы и умудрялся снова оставаться в бодрствовании.

Пока он бодрствовал, другой человек оставался ценным для Святого Храма.

Он был вынужден получать одну за другой новости, связанные со Святым, в те долгие часы бодрствования. Все без исключения новости были яркими и сияющими. Путь Святого был героическим и лучезарным, прямо как мечта, что была у Алексиса, когда он ещё был человеком.

Но к тому времени у него уже не было права мечтать.

— Я помню всё, в чём ты участвовал, так что у меня довольно хорошая память, — сказал Алексис, возвращая свои мысли назад и не забывая немного похвастаться своей памятью.

Святой смотрел на него странным взглядом. Нечто мелькнуло в его небесно-голубых глазах, а затем было быстро скрыто.

— Хм, я тоже, — медленно произнёс он.

Алексис кивнул. Внезапно он вспомнил, что тот, кто перед ним, когда-то был тем безумцем. Он

вспомнил, что безумец был замешан во многих событиях, потому что всё, через что он прошёл, когда-то было мечтой самого Алексio, когда он ещё был человеком. И безумец сказал, что помнит всё, что связано с ним...

Алексio содрогнулся от ужаса. Его собственное «помню всё» определённо не было тем же самым, что «помню всё» безумца. Учитывая, насколько искривлённым безумец стал к концу, это «помню всё» было таким, что вспоминало каждую мельчайшую деталь! Таким, что он записывал бы всё в блокнот и перелистывал его в глухую ночь! Таким, что он мог бы воспроизвести каждое из прошлых выражений лица Алексio прямо у него перед носом!

Он был слишком беспечен! Неужели у безумца снова начинают проявляться симптомы?!

Алексio вскочил на ноги, его глаза с подозрением уставились на Святого перед ним.

— Уже начинается?

Святой был слегка ошеломлён, затем посмотрел на него с недоумённым выражением, словно вообще не понимая, о чём говорит Алексio.

— Как охотник, чьей конечной целью была твоя поимка... когда-то, — Святой сделал паузу, — я, естественно, должен был знать о тех значительных событиях, в которых ты участвовал. На самом деле, это была одна из моих домашних работ.

Алексio не ослабил бдительность. Психологическая тень, которую бывший безумец отбросил на него, была слишком глубока.

— Тогда расскажи, что ты помнишь... об инциденте с Дельви.

Эти воспоминания действительно вернулись к нему. Святой на мгновение задумался, а затем медленно заговорил:

— Королева Кровавого Шипа Дельви...

Его голос был поистине создан для повествования истории. Даже описывая события, где вампиры брали верх, в его тоне не было никаких посторонних эмоций. Он рассказывал о плане королевы по чистке, о том, как мантикоры попросили Алексio о вмешательстве, о том, как Алексio послал вампира четвёртого поколения убить королеву, и о том, как сам Алексio сломал серебряный крест, навлекая позор на Святой Храм.

Хотя Алексio не ожидал, что Святой Храм знает всю последовательность событий, включая то, как мантикоры связались с ним, он понемногу расслабился, слушая повествование безумца.

— И это всё?

Он снова сел в кресло. Святой напротив слегка нахмурился, сидя прямо и выглядя очень послушным.

— Что-то упущено?

— Нет, всё довольно полно. — Алексис почувствовал полное облегчение. Безумец всё ещё был вполне нормален сейчас. Они всё ещё могли хорошо ладить.

Святой тихо опустил ресницы. Алексис, со своей стороны, почувствовал небольшую неловкость. Не следовало ему питать предубеждения к нынешнему безумцу с амнезией лишь из-за некоторых его прошлых экстремальных поступков. Это было несправедливо.

Но ему было трудно произнести слова «прости меня».

— Ты... ты собираешься спать? В комнату с гробом? Ты вообще сейчас можешь заснуть? — Алексис был вынужден резко сменить тему. Он увидел, что Святой слегка кивнул, поэтому решительно встал и ушёл.

Может, он сможет встать завтра пораньше и принести безумцу завтрак в качестве извинений?

Алексис подумал об этом, вернувшись в свою комнату, но затем осознал, что никак не сможет проснуться раньше безумца, и отказался от этой идеи. Он долго ворочался, а затем внезапно приложил ухо к двери и услышал, как Святой ушёл. Он на мгновение заколебался. До конца не понимая, зачем он это делает, он подавил своё присутствие и бесшумно последовал за ним.

Центр Сохранения ночью был не особенно тихим. Напротив, многие ночные существа проявляли активность, и многие зрители были заняты работой. Центр был ярко освещён. Алексис следовал за Святым на расстоянии, намеренно скрываясь. Святой не замечал его, и у Алексиса даже было время бросить взгляд в окно.

Они прошли мимо панорамного окна. Морские змеи дышали в ночи, а на поверхности Изумрудного Внутреннего моря плавали яркие языки пламени. Отблески огня высвечивали их силуэты, но этот огонь не был боевым пламенем прошлого. Он был странно мягким.

Гроб находился этажом ниже, в комнате, специально освобождённой для хранения этой драгоценной вещи возрастом в десять тысяч лет. С разрешения Центра взял несколько роз для исследований, но большая часть осталась внутри гроба, замороженная таинственной магией, вечно цветущая и не увядающая.

Святой подошёл к гробу, но не стал торопиться ложиться отдыхать. Вместо этого он сел на его край и вынул блокнот. Только тогда Алексис заметил, что Святой принёс с собой и много

других вещей, словно планируя что-то сделать перед сном.

Занавески в комнате не были полностью задернуты. Бледно-серебристый свет просачивался сквозь щели, отбрасывая на пол сетчатые тени от оконных переплётов. Контражуром, Святой прислонился к массивному гробу, его полунакидка серебристо-белого цвета ниспадала вниз. Влажный, пропитанный лунным светом аромат роз наполнял пространство.

Казалось, Святой был погружён в это бледно-серебристое море, что напомнило Алексио об их первой встрече.

Конечно, это был не день, когда серебряный крест был разбит. Это была более поздняя правка безумца, который настойчиво утверждал, что Алексио должен считать это их первой встречей. Но в собственной памяти Алексио он впервые увидел Святого в такую же тёмную, неясную ночь, когда вокруг не было света, и как раз в тот момент, когда Святой появился перед ним...

Внезапно взошла луна.

Это были охотничьи угоды знати королевства, совместная охота, где Святой Храм и дворяне обменивались взглядами. Тень разбитого серебряного креста нависла над Святым Храмом, толкая их на отчаянную месть. Святой Храм планировал нанести упреждающий удар по оборотням, а армия королевства помогала оттеснить тех поклоняющихся тьме обитателей границы со снежных полей.

Охотники, обученные Святым Храмом, не имели права использовать магию или боевые искусства, пока искали добычу. Внезапно из зарослей выпрыгнул золотой олень, его рога сверкали в лунном свете. Это была самая желанная добыча дня. Он бешено бежал от охотников, которые с криками преследовали его по глухому лесу, пробираясь по колена в мелкой воде, пока стрела с выгравированным именем не сразила оленя наповал прямо перед густой чащей.

Однако среди охотников не раздалось ликующих возгласов, лишь мёртвая тишина.

Перед чащей стояла фигура в чёрном плаще. Чрезмерно бледная рука высунулась из широкого рукава плаща, схватила стрелу и, казалось, без особых усилий вытащила её. Владелец руки тщательно прочёл имя на ней и улыбнулся.

— Люциус... который из вас он?

Перед принцем третьего поколения, который не так давно разбил серебряный крест, из дрожащих, нерешительных охотников выступил вперёд лишь один. Это была сцена, которую Алексио запомнил как их первую встречу.

Святой шёл по воде, словно ступая по древнему мифу, сотканному из звёзд и луны. Он сиял

даже ярче, чем поверженный золотой олень, его опущенные ресницы обрамляли небесно-голубые глаза. Алексис подумал про себя: разве могут существовать столь прекрасные люди?

— Это моя добыча, — сказал человек. Тот самый охотник, чьей жизненной миссией было убить его.

На самом деле, он, наверное, просто хотел забрать оленя, верно? Его золотистая шкура и рога были действительно прекрасны.

У Алексиса заняла голова, когда он вспоминал. Надо было тогда просто пропустить все эти театральные представления. Надо было просто унести оленя, сделать из его шкуры ковёр, а рога превратить в трофей. Это бы взбесило безумца.

Он взглянул на часы. Уже настало время, когда полуночники предаются веселью. А безумец всё ещё не собирался спать. Это было ненормально. Алексис знал точный распорядок дня безумца, если только...

Тот вовсе не думал спать, или, возможно, просто не мог уснуть.

Значит, качество его сна ни капли не улучшилось? Если считать сегодня, безумец не спал уже шесть ночей подряд.

Алексис забеспокоился и уже собирался войти, как вдруг его ухо слегка дрогнуло. Он бесшумно отступил на прежнюю позицию и молча наблюдал, как гость постучал в приоткрытую дверь.

Это был Чжу Хэн.

Суждение Алексиса было точным. Он быстро проскользнул в комнату раньше Чжу Хэна и прижался к стене. Как и ожидалось, Чжу Хэн закрыл за собой дверь и достал из кармана своего белого лабораторного халата коробку с лекарством.

— Сегодня у меня ночная смена, так что я принёс лишнюю дозу сам, — Он протянул лекарство Святому, хмурясь от беспокойства. — Полагаться на лекарства, чтобы уснуть — это не долгосрочное решение. Если есть возможность, вы могли бы попробовать гипноз.

Святой отклонил предложение.

— Ну, если вам что-то понадобится, не стесняйтесь обращаться. Вы действительно выглядите...

— Не очень хорошо, верно? — продолжил Святой, опуская веки. — Мне действительно нехорошо. Послезавтра... нет, ведь уже завтра. Мне предстоит жить под одной крышей с

вампиром.

— Возможно, в этом источник вашего стресса, — предположил Чжу Хэн.

—...Глубоко укоренившиеся убеждения трудно изменить, — наконец сказал Святой.

Чжу Хэн оставил лекарство и вышел из комнаты. Святой поднял коробку с лекарством к свету, читая инструкцию, затем вдруг взглянул в сторону и заметил Алексю.

— То, что я только что сказал, не принимай близко к сердцу...

— Ты подозреваешь Чжу Хэна.

Рука Святого на мгновение застыла. Затем на его до этого бесстрастном лице появилась лёгкая улыбка.

— Да, я подозреваю его.

<http://bllate.org/book/13212/1631346>